

ISSN 2307-4671

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК VII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2014

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор философских наук *О.М. Хомушку*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. VII. – 218 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2014

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT OF THE RELIGION SCIENCE
AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL
AND RELIGION SCIENCE RESEARCH

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL
ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VII ISSUE

Barnaul – 2014

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences)

L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences)

T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences)

O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences)

L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences)

S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

M64 The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2014. – VII issue. – 218 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

ISSN 2307-4671

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I. Теоретические аспекты изучения мировоззрения древних и традиционных обществ

<i>Дашковский П.К.</i> Структурализм и археология: теоретико-методологические основы мировоззренческих реконструкций в скифо-сакской номадологии	9
--	---

II. Религиозный фактор в истории древних и средневековых народов Евразии

<i>Сериков Ю.Б.</i> Искусство каменного века Урала	29
<i>Дашковский П.К.</i> Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая.....	46
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Законотворческая деятельность тюркских правителей VI–XI вв. в контексте правового развития кочевых народов Евразии (формы, содержание, преемственность традиций).....	63
<i>Бубенок О.Б.</i> Новации и традиции в погребально-поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии	77
<i>Тишин В.В.</i> Отражение двух уровней верований древних тюрков VI–VIII вв. в культах почитания территории	90
<i>Руденко К.А.</i> О магических и культовых предметах именьковской культуры: к вопросу о мировоззрении населения Казанского Поволжья в эпоху Великого переселения народов	106
<i>Марсадолова Т.Л.</i> К вопросу о сложении иконографии Иисуса Христа и Богоматери.....	128

III. Сакральная архитектура и палеоастрономические исследования

<i>Ларичев В.Е., Паршиков С.А.</i> Зурван и порождения его – близнецы-антагонисты в композиции на скале окрестностей вары «Саратский Сундук» (опыт реконструкции космогонии и космологии жречества окуневской культуры и проблема взаимоотношений зороастризма и зурванизма).....	140
--	-----

IV. Этноконфессиональные процессы, государственно-церковные отношения в Центральноазиатском регионе и России

<i>Мендешева В.М.</i> Протестантские организации в Республике Алтай	180
<i>Шиженский Р.В.</i> «Я язычник!» – к вопросу о самоопределении прозелитов славянского раган-движения (на примере ярославской общины «Велесово Урочище»)	188
<i>Жанбосинова А.С.</i> Казахский джихад и казахстанская толерантность: современные этноконфессиональные процессы ...	200
Список сокращений	212
Сведения об авторах	214

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band I. Wiesbaden, 1963. 557 s.

Golden P. The Turk Imperial Tradition in the Pre-Chinggisid Era // Imperial statecraft: Political forms and techniques of governance in Inner Asia, sixth-twentieth centuries / Ed. by D. Sneath, L. Peachey. Cambridge, 2006. P. 23–62.

Klyashtornyĭ S.G. Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia: The Legal Documents and Practical Regulation // Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke. Topeka, Kansas, 2004. P. 13–39.

О.Б. Бубенок

*Институт востоковедения им. А. Е. Крымского
НАН Украины, г. Киев*

**НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ
В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Немногочисленные письменные свидетельства о погребально-поминальных традициях древних тюрков Центральной Азии позволяют говорить, с одной стороны, об их преемственности кочевым предшественникам, а с другой – дают возможность отметить новые черты, не встречавшиеся до этого у кочевников. Последние хорошо видны на обряде кремации.

Китайские династийные хроники свидетельствуют о том, что на определенном этапе истории тюрков-тугю обряд трупосожжения при похоронах знатных тюрков существовал до первой трети VII в. н.э. В «Таншу» о погребальном обряде тюрков мы читаем следующее: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего весной и летом хоронят,

когда цветы начинают разворачиваться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах» (Бичурин Н. Я., 1950, с. 230).

Обряд трупосожжения у тюрков стал вытесняться обрядом трупоположения в первой трети VII в. Смена погребального обряда послужила даже предметом весьма резкой дипломатической переписки, когда китайский император обвинил тюркского кагана Хейли в отходе от обычаев предков (Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., 2005, с. 200–201). Последний засвидетельствованный в хрониках факт погребения по обряду трупосожжения относится к 634 г. Об этом «Таншу» сообщает следующее: «...В восьмое лето, 634, Хейли умер. По смерти пожалован княжеским достоинством и именем Хуан. Указано вельможам похоронить его. Труп Хейлиев, по кочевому обычаю, сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону реки Ба» (Бичурин Н. Я., 1950, с. 250). Таким образом, данная информация дает основания считать, что обряд трупосожжения имел распространение у главного племени восточных тюрков.

Однако относительно этого Д. Г. Савинов высказал большие сомнения: «Ни одного археологического памятника, полностью соответствующего этому описанию, ни в Южной Сибири, ни в Центральной Азии до сих пор не обнаружено». Исследователь объяснял это несколькими причинами: «1) погребения тюрков-тугю в Центральной Азии и Южной Сибири еще не открыты; 2) компилятивный характер самого источника, в котором разновременные сведения собраны в едином описании погребально-поминального цикла; 3) древнетюркская погребальная обрядность в том виде, как она зафиксирована письменными источниками, сложилась, на основе различных компонентов, представленных в археологических памятниках предшествующего времени». По наблюдением исследователя, кочевники древнетюркского времени предпочитали обряд ингумации, а не кремации. Однако Д. Г. Савинов вынужден был отметить, что «описание погребального обряда древних тюрков в письменных источниках в наибольшей степени соответствует па-

мятникам таштыкской культуры Минусинской котловины», которая на заключительном этапе была синхронна «периоду Первого Тюркского каганата» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 198–201).

Аналогичную ситуацию можем отметить также в местах обитания западных тюрков. При этом обратим внимание, что представители главного племени западных тюрков придавали огню очистительные ритуальные функции. Это отметил Менандр (1860, с. 376–377) при описании прибытия византийского посла Зимарха в 568 г. ко двору самого ябгу-кагана западных тюрков.

К сожалению, византийские историки не оставили нам подробную информацию об обряде погребения правителя западных тюрков. Но есть одно сообщение о завершении погребальных церемоний, совершаемых спустя некоторое время после смерти ябгу-кагана. Для нас большой интерес представляет информация Менандра, согласно которой византийский посол Валентин, прибыв к ставке ябгу-кагана западных тюрков в 576 г., узнал о смерти их правителя Дилзивула. На встречу им вышел его сын Турксанф и приказал византийцам, согласно существующей среди тюрков традиции, поцарапать ножом свои лица. Те выполнили его приказ. Далее Менандр сообщает, что в один из дней траура к Турксанфу привели четверых пленных «Унов» (гуннов. – *О.Б.*) для принесения в жертву с конями в честь его отца. Турксанф повелел пленным перейти в Потусторонний Мир, чтобы передать его отцу весть от тех, кто остался в живых. При этом нет даже намека о захоронении самого тела Дилзивула в земле (Менандр, 1860, с. 421–422). Не исключено, что у Менандра могла идти речь о захоронении кремированных останков ябгу-кагана спустя время.

Однако в местах обитания западных тюрков, в степях Средней Азии, трупосожжения так и не были выявлены, что вовсе не означает полное их отсутствие. По наблюдениям А.К. Амброза (1981, с. 10–23), ситуация выглядит следующим образом: «Обширные курганные могильники, иногда до тысячи насыпей, расположены в горных, подчас трудно доступных долинах с прекрасными пастбищами на склонах и возможностями для земледелия внизу. Погребальный обряд в них – трупоположение в подкурганных катакомбах с дромосами или реже в подбойных могилах. Обычно их относят к I–V вв., а VI–VIII вв. датируют погребения с конем. Однако эти последние, имеющие соответствия в кудыргинской и катадинской группах Южной Сибири, следует датировать не ранее конца

VII – VIII в. ...Раскопки курганов показали сильное имущественное расслоение оставившего их населения... Многие богатые курганы выделялись и размерами. В них обнаружены все виды оружия (мечи, палаши, стрелы, щиты, панцири, кольчуги...), богатая сбруя, золотые украшения с инкрустацией и зернью...».

Необходимо отметить, что обряд трупосожжения не был зафиксирован письменными источниками и у предшественников древних тюрков – гуннов. Так, уже довольно длительное время среди исследователей латиноязычного сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (*Getica*) вызывает большой интерес пассаж, содержащийся в описании похорон гуннского вождя Аттилы. Иордан сообщает, что гуннские воины, узнав о смерти своего правителя, в соответствии со своими обычаями, начали отрезать часть своих волос и надрезать себе лицо. После этого тело Аттилы перевезли в степь и поместили в специальный шатер. Лучшие всадники гуннов на лошадях объезжали кругом то место, где был покойник. Наконец, после громких причитаний Аттила был похоронен в кургане, на котором гунны, по словам Иордана, устроили *stravam*, что имело непосредственное отношение к пиршеству в честь покойного. Аттила был похоронен в трех гробах – в золотом, серебряном и железном. Вместе с ним в могилу положили его воинские трофеи и драгоценности. С целью, чтобы предотвратить ограбление могилы, могильщики были убиты (Иордан, 1960, с. 117, 172).

Наибольшие споры среди исследователей вызвало происхождение и семантика термина *strava*. Именно неопределенные данные об употреблении этого слова уже давно породили массу литературы, в которой славянские исследователи видели в данном термине заимствование в гуннский язык из славянского, а немецкие ученые увидели в слове *strava* заимствование из языка гетов. При этом следует учитывать, что термин *страда* представлял собой часть погребальных традиций гуннов. Описание погребения Аттилы, оставленное Иорданом, позволило выявить следующие черты погребального обряда гуннов:

1) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего («...следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей»);

2) прощание с умершим («...среди степей в шелковом шатре поместили труп его... отборнейшие всадники всего гуннского пле-

мени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где он положен; при этом они в погребальных песнопениях... поминали его подвиги»);

3) сооружение кургана *;

4) *strava* («После того, как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами»);

5) связанный со «стравой» погребальный пир в честь умершего;

6) тайное захоронение умершего в нескольких гробах с вещами («...ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа... Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения...»);

7) человеческие жертвоприношения («...Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело...») (Иордан, 1960, с. 117–118).

Аналогичная погребальная обрядность была зафиксирована и у дагестанских гуннов в VII в., описание которых содержится в сочинении армяноязычного автора Мовсэса Калакантуаци «История Албании». В данном тексте отмечена следующая последовательность ритуальных действий:

1) прощание с умершим, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников («Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах»);

2) состязания в честь умершего («То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону»);

3) оплакивание умершего («Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предавались скверным поступкам» (Мовсэс Калакантуаци, 1984, с. 124).

---

* В данном случае смущает то, что в описании Иордана сначала соорудили курган и лишь после погребального пира захоронили тело Аттилы. Создается впечатление, что описание Иордана отличается произвольностью и непоследовательностью.

Для сравнения приведем последовательность ритуалов в погребальной церемонии тюрков-тугю:

- 1) подготовка к погребению умершего;
- 2) жертвоприношение животных;
- 3) прощание с умершим родственников;
- 4) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего;
- 5) кремация умершего;
- 6) захоронение праха умершего в определенное время года;
- 7) жертвоприношения в день смерти и во время похорон (Бичурин Н. Я., 1950, с. 230).

В данном случае бросается в глаза то, что восточные тюрки вместо захоронения по обряду ингумации практиковали кремацию, что предполагало поэтапность в захоронении умершего. Кроме того, по сравнению с гуннским обрядом, у восточных тюрков последовательность погребальных действий несколько иная. И следует обратить внимание на то, что в описании погребения у восточных тюрков не упомянуты человеческие жертвоприношения. Однако при описании завершающей стадии погребения правителя западных тюрков фигурируют человеческие жертвоприношения.

Таким образом, сравнительный анализ погребальных традиций древних тюрков Центральной Азии с традициями паннонских и дагестанских гуннов позволил выявить общие черты в погребальной обрядности, но с нарушением последовательности: оплакивание умершего, прощание с умершим, захоронение умершего, человеческие жертвоприношения и т.п. В данном случае бросается в глаза, что в описании погребения Аттилы отсутствуют такие элементы погребального обряда, как состязания в честь умершего и жертвоприношение животных. Однако вместо этого, в описании Иордана присутствует термин *strava*. Следует отметить, что исследователи зачастую рассматривали спортивные состязания на похоронах у кочевников как традицию замещения принесения в жертву людей и животных. Так как человеческие жертвоприношения в описании Иордана присутствуют, то логичней считать, что термин *strava* должен был означать жертвоприношение животных, за которым следовал непосредственно пир в честь умершего, для обозначения которого Иордан использовал термин *commessatione*. В связи с этим особого внимания заслуживает гипотеза Б. Арнима, в соответствии с которой данное слово имеет гуннское происхождение.

Доказательством этого, по мнению исследователя, является то, что в некоторых тюркских языках сохранилось слово *astrav* в значениях: «поминки», «убежище», «погребение трупа» (Arnim В., 1936). Однако не исключено, что данный термин мог попасть в тюркские языки из иранских, что могло иметь место в древности. В качестве доказательства этого следует отметить древнеперсидское *strav* («осквернять себя», т. е. прикасаться к мертвому) (Фасмер, 1987, с. 756–757).

Стало быть, новацией в погребальном обряде древних тюрков Центральной Азии был обряд кремации, который практиковался, скорее всего, лишь в одном, главном, племени. Следует акцентировать внимание на том, что появление кремации не могло быть вызвано условиями длительного пребывания в степях Центральной Азии, где нет деревьев. Идеальным местом для появления этого обряда могла стать, например, лесостепь. Для этого описания хорошо подходит Южная Сибирь.

В то же время сезонность в захоронении кремированных останков аристократов тюрков-тугю можно объяснить тем, что древние тюрки, как и большинство кочевников Евразии, кочевали в меридиональном направлении. Летом они находились на северных пастбищах, а зимой – на южных. Обычно кочевники стремятся хоронить своих умерших на родовых могильниках и потому стараются доставить туда останки умершего. Поэтому кочевой образ жизни предполагал нахождение таких кладбищ в центре маршрута сезонных передвижений. Следовательно, древние тюрки могли хоронить кремированные останки своих соплеменников лишь два раза в год – весной и осенью.

Следует отметить, что погребальный обряд древних тюрков-тугю отличался от гуннского такой деталью, как изображение поверженных умершим врагов (Бичурин Н. Я., 1950, с. 230). Весьма характерно, что такой обряд стал практиковаться и у более поздних тюрков-кочевников. Так, аналог ему находим у огузов. В начале X в. Ибн Фадлан писал об этом: «Если же он (покойник. – О.Б.) когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубает изображение из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на могиле и скажут: “Вот его отроки, которые будут служить ему в раю”» (Ковалевский А.П., 1956, с. 128–129). Однако другие черты погребально-поминальных традиций древних тюрков находят немало общего в обрядах их предшественников-кочевников.

В связи с этим обратим внимание на наблюдение Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева (1994, с. 168), согласно которому обряд погребения Аттилы напоминает «описание погребения скифского царя» у Геродота. Это же можно сказать и о погребально-поминальных традициях древних тюрков.

Геродот оставил нам довольно детальное описание похорон скифских царей и других скифов в Четвертой Книге своей «Истории греко-персидских войн». Поэтому имеет смысл определить основные элементы погребальной церемонии царских скифов:

1) подготовка могилы к погребению и бальзамирование тела умершего;

2) транспортировка тела умершего царя на земли подвластных племен, сопровождаемое самоистязанием подданных в знак скорби;

3) богатое погребение царя в могильном склепе с дорогими вещами и жертвоприношениями людей и животных;

4) сооружение кургана;

5) по истечении года пышная тризна, сопровождаемая жертвоприношениями людей и животных (коней);

6) после похорон ритуальное очищение в специальной паровой бане (Геродот, 1972, с. 204–205).

Весьма характерно, что осетины, в которых видят потомков ираноязычных аланов, еще в XIX в. продолжали придерживаться аналогичных погребальных традиций. Осетинская погребально-поминальная обрядность в свое время стала объектом исследований В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, Б.А. Калоева и других исследователей. Данные этнографии свидетельствуют о том, что осетинскому погребальному обряду были присущи следующие черты:

1) о смерти родственников извещал специальный «печальный вестник»;

2) во время оплакивания имело место самоистязание родственников умершего;

3) родственники покойника по родительской линии трижды обходили вокруг покойника на коленях;

4) покойника одевали в наилучшую одежду и клали к могилу оружие и бытовые вещи;

5) обряд посвящения коня покойнику;

6) одновременно с посвящением коня вдова отрезала косу и клала ее в могилу;

7) во время похорон и поминок через год устраивали в честь покойника конные состязания – дугь, где конь-победитель посвящался покойнику;

8) покойника везли на кладбище не только на телеге, но и на санях, несмотря на время года;

9) по завершении похорон на могиле разжигали костер;

10) поминки устраивали по завершении похорон и на протяжении года – 12 больших и маленьких поминок.

По наблюдениям исследователей, осетинский погребальный обряд сохранил многие традиции погребальной обрядности древних кочевников, уходящий корнями в скифо-сарматскую эпоху, и поэтому может в значительной степени дополнять отрывочные сведения письменных источников. При этом было отмечено, что конные состязания в честь умершего, обряд посвящения коня умершему и отрезание косы у вдовы из практических соображений призваны были заменить жертвоприношения животных и людей (Миллер В.Ф., 1882; Калоев Б.А., 1984, с. 72–105; Дюмезиль Ж., 1990, с. 188–198). Таким образом, осетинский материал демонстрирует не только сходство погребальных традиций с гуннскими и древнетюркскими, но и со скифскими. А это означает, что прообразом для кочевников времен поздней античности стали погребальные традиции номадов скифского времени.

В результате можно предполагать, что предки гуннов и древних тюрков, находясь в Центральной Азии, могли испытать значительное влияние со стороны ираноязычных племен в таких консервативных традициях, как погребальные. Результаты археологических раскопок подтверждают это предположение.

В связи с этим следует вспомнить, что в Туве М.П. Грязновым был исследован курган Аржан. Это была гробница царя с элементами погребального обряда, который был похож на скифский, описанный Геродотом: захоронение царя и «царицы» были расположены в центре; вокруг них были обнаружены погребения семи старцев и одного юноши с шестью конями; по краям этой большой могилы были похоронены почти 160 коней и т.п. Вещи из этих захоронений имели определенное сходство с инвентарем из скифских курганов в Северном Причерноморье. Несмотря на это, М.П. Грязнов датировал курган Аржан VIII–VII вв. до н.э. В результате исследователь высказал предположение, что начиная с VII в. до н.э. общая скифо-сибирская культура начала формироваться на терри-

тории от степей Центральной Азии до земель Северного Причерноморья (Грязнов М.П., 1980, с. 45–59). Однако Л.Р. Кызласов датировал курган Аржан VII–VI вв. до н.э. Он склонен связывать этот погребальный памятник с ираноязычными пришельцами с Запада – саками. В итоге исследователь пришел к выводу, что население Тувы уже в ранний скифский период было смешанным (Кызласов Л.Р., 1979, с. 35–41).

Ситуация же с Пазырыкскими курганами может свидетельствовать о возможном симбиозе традиций индоевропейского и алтайского населения на Алтае. Благодаря вечной мерзлоте погребальная церемония была реконструирована в деталях. В результате удалось установить, что погребальные традиции на Пазырыкских и скифских курганах имели много общего. При этом очень многое из этих погребений на Алтае хорошо соотносится с как с описанием Геродота, так и с данными Иордана о гуннах и китайских авторов о древних тюрках: до начала захоронения тела умерших подвергались бальзамированию, как у царских скифов; под курганными насыпями были похоронены, как и в случае с царскими скифами, лишь цари и представители знати; погребение осуществлялись только в определенный период года (весной или осенью), как это было у ранних тюрков; ориентированы погребенные были головой на восток, а лицом на запад; все мускулы были удалены с тела покойника, возможно с целью их ритуального поедания, что практиковалось у геродотовых массагетов и исседонов; оружие, другие вещи, пища и убитые кони были положены в могилу, что можно наблюдать у геродотовых скифов и ранних тюрков; над могилой строили большой курган, как это делали геродотовы скифы и гунны; после похорон совершалось ритуальное очищение, которое наблюдаем у геродотовых скифов; богатые похороны и поминки на месте погребения, как это делали геродотовы скифы, гунны и древние тюрки. Исследователь памятника С.И. Руденко датировал Пазырыкские курганы Алтая V–IV вв. до н.э. И что важно, он отметил смешанный антропологический тип древних жителей Алтая – там были погребены как европеоиды, так и монголоиды. На основании этих наблюдений исследователь сделал следующий вывод: «...у многочисленных племен, которые различались по своему происхождению и языку и которые были расселены в эту эпоху на пространствах восточноевропейских и азиатских степей и предгорий, при наличии одного и того же занятия – пасторального и ко-

чевого скотоводства, вследствие взаимных связей, и общественный порядок, и идеология во многом были близки, но с различными своеобразными местными особенностями». Как следствие этого, данная уникальная культура не исчезла на Алтае и вошла как составная часть в культуру тюркоязычных народов, которая формировалась не только на Алтае, а и во всей Центральной Азии (Руденко С.И., 1953, с. 62–69, 326–361). Следовательно, многие элементы скифского погребального обряда могли попасть к предкам гуннов и древних тюрков еще в степях Центральной Азии задолго до нашей эры.

Отметим также такую черту поминального обряда древних тюрков, как упоминание «Таншу» о «нарисованном облике покойника» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230). Л.Р. Кызласов (1969, с. 32–33) это прокомментировал следующим образом: «Изображения умерших воинов с сосудом в руке необходимы были для того, чтобы при совершении поминок, когда родственники и соратники покойного устраивали в честь него поминальный пир возле оградки, он сам, в виде изваяния, мог “присутствовать и пить” вместе со всеми. Естественно, что поминающие при этом обращались к нему и “разговаривали” с ним, принося ему жертвы, чтобы умиловить его “злую” душу, как это делали и тюркоязычные народы Саяно-Алтайского нагорья еще в недавнем прошлом». Исследователь при этом считал, что в данном случае в «Таншу» речь идет о поминках вне пределов родовых кладбищ на так называемых поминальных комплексах.

Весьма примечательно, что такие фигуры с давних времен известны на курганных могильниках у тех кочевых племен, которые придерживались обряда ингумации. Сам Л.Р. Кызласов такой обряд отметил у куманов, монголов и других кочевых народов Евразии. При этом они изображение умершего изготавливали не только из камня, но из войлока. Суть обрядов сводилась к тому, что во время праздников эти чучела выставлялись и им преподносились угощения, словно души умерших родственников вселялись в эти манекены (Кызласов Л.Р., 1969, с. 38–40). У современных чувашей вплоть до недавнего времени бытовал подобный обычай. По словам этнографов, накануне поминок из дерева вырезали изображение умершего, которое потом угощали подношениями. На следующий день после поминок эту деревянную фигуру увозили на кладбище и устанавливали на могиле (Каховский В.Ф., 1965, с. 190).

Как оказывается, данная традиция бытовала у степных народов еще со времен глубокой древности. Достаточно вспомнить каменные изображения умерших на курганах эпохи энеолита и бронзы. Скульптурные изображения умершего также находили при раскопках Древнего Хорезма (Рапопорт Ю.А., 1971, с. 86–89). Подобный обряд имеет распространение также и среди ираноязычных народов, например, осетин, предки которых в прошлом кочевали в степи. Интересно, что данный обряд они совершают сразу же после Нового года (Дюмезиль Ж., 1990, с. 189). Как оказывается, в данном случае Новый год соотносим не с нынешним, а с древним – днем весеннего равноденствия 21 марта.

Таким образом, нет оснований сомневаться в том, что и поминальные традиции у тюрков-тугю могли быть такие же, как и у ираноязычных кочевников, т.е. они напоминали осетинские. Следовательно, в прошлом у тюркоязычных кочевников, как и у их ираноязычных предшественников, 21 марта могло быть не только началом Нового года, но и днем поминовения усопших. И это вполне вписывается в предложенную схему маршрутов древних кочевников: 22 декабря, в день зимнего солнцестояния, они находятся в крайней южной точке своих передвижений и после этого они начинают двигаться на север. К весне они уже приближаются к середине своих сезонных передвижений и 21 марта, в день весеннего равноденствия, они подходят к своему кладбищу. Это совпадает не только с празднованием Нового года, но и с днем поминовения усопших, изображения которых на кладбище становятся объектом особого поклонения. Аналогичным образом должны были происходить и поминки на кладбище в осенний период: 21 июня, в день летнего солнцестояния, кочевники находятся в крайней северной точке своих передвижений и после этого они начинают двигаться на юг. Ближе к осени они уже приближаются к середине своих сезонных передвижений и 23 (22) сентября, в день осеннего равноденствия, подходят к своему кладбищу. Естественно, что это также должно было сопровождаться поминовением усопших родственников.

В итоге можем констатировать, что у древних тюрков Центральной Азии в VI – начале VII в., с одной стороны, продолжали практиковаться черты погребально-поминальной обрядности, наблюдаемые у их предшественников – гуннов и скифов, а с другой – появились новые обряды (в первую очередь кремация), практикуемые лишь среди элиты данной племенной конфедерации. Это мож-

но объяснить тем, что в степях Центральной Азии местные племена оказались под властью пришельцев-завоевателей, практиковавших иной обряд захоронения, что в результате привело к своеобразному симбиозу погребальных обрядов.

Библиографический список

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10–23.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. 342 с.

Геродот. История: в 9 кн. / пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972. 604 с.

Гиндин Л.А., Шелов-Коведяев Ф.В. Strava // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 161–169.

Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 64 с.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. 288 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / пер. с лат. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. 436 с.

Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Т. VIII. С. 98–106.

Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. 262 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. 348 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.

Кызласов Л.П. Древняя Тува. М., 1979. 208 с.

Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 311–470.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Т. II. 301 с.

Мовсэс Калакантуаци. История страны Алуанк / пер. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984. 258 с.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. 124 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 404 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III. 830 с.

Arnim B. Bemerkungen zum Hunnischen // Zeitschrift für Slawische Philologie. Heidelberg, 1936. Bd. 13.